

СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ, УСТОЙЧИВОСТЬ И ИНКЛЮЗИВНОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

© 2025 г. В.В. Климанов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Институт прикладных
экономических исследований, Москва, Россия
e-mail: klimanov@ranepa.ru*

В статье представлен комплексный концептуальный анализ таких ключевых категорий современной региональной экономики, как сбалансированность, устойчивость и инклюзивность. Цель исследования заключается в разработке интегративного подхода к их изучению применительно к регионам и городам как сложным социально-экономическим системам. На основе анализа российской и зарубежной литературы уточнены содержательные различия между англоязычными и русскоязычными трактовками концептов «sustainable development», «resilience» и «inclusive development», которые часто некорректно переводятся и смешиваются в отечественной научной и управленческой практике. Автором предложен подход, позволяющий разграничить понятия сбалансированности (долгосрочное равновесие), устойчивости (краткосрочная адаптивность и резилентность) и инклюзивности (равноправное участие) как взаимодополняющие свойства территориального развития. Особое внимание уделено практической применимости этих понятий. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования стратегического планирования, мониторинга эффективности региональной политики и формирования механизмов управления на основе системного мониторинга на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Ключевые слова: региональное и городское развитие, сбалансированность, устойчивость, шокоустойчивость, резилентность, инклюзивность, стратегическое планирование, региональная экономика.

DOI: 10.5922/1994-5280-2025-3-3

Введение и постановка проблемы. Традиционная парадигма региональной экономики была преимущественно статической, фокусируясь на пространственном равновесии, межрегиональных потоках и ресурсном распределении. Динамические подходы получили развитие лишь в последние десятилетия под влиянием теории сложных систем, нелинейной динамики, теории катастроф, концепции точек бифуркации и эволюционной экономической географии, что позволило перейти от анализа «равновесных» структур к изучению процессов адаптации, трансформации и самоорганизации территориальных систем в условиях нестабильности и неопределенности. При этом, как правило, доминирует подход, рассматривающий данные системы в качестве объектов, подлежащих целенаправленному управлению. Кроме того, в фокус региональной экономики входит выявление и анализ закономерностей, определяющих функционирование и развитие национальной экономики, рассматриваемой как

система взаимосвязанных регионов, выступающих в качестве ее подсистем [9].

Современные вызовы – от геополитической нестабильности до технологических преобразований и демографических сдвигов требуют от территориальных систем способности не только сохранять равновесие, но и адаптироваться, трансформироваться и обеспечивать вовлеченность всех социальных групп в процессы развития. В научной литературе и практике государственного управления все чаще используются категории сбалансированности, устойчивости и инклюзивности. Однако до сих пор отсутствует единая концептуальная база, позволяющая однозначно определять их содержание, измерять соответствующие параметры и использовать их в целях стратегического планирования и оценки эффективности региональной политики. Эта проблема особенно остро стоит в России, где разрыв между декларируемыми целями стратегических документов и реальными механизмами управления территориями сохраняется на протяжении десятилетий

[5; 10; 12]. В этих условиях требуется не просто заимствование зарубежных концепций, а их адаптация к российской институциональной и пространственной реальности.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных теоретическим аспектам, преобладающее число исследований фокусируется на практических вопросах социально-экономического развития регионов, а также на анализе механизмов регулирования и управления этими процессами со стороны органов власти. В современной региональной экономической науке особое внимание уделяется вопросам обеспечения устойчивости развития регионов в долгосрочной перспективе, а также их способности эффективно противостоять краткосрочным внешним шокам. Результаты подобных исследований формируют основу для разработки долгосрочных планов развития регионов, таких как стратегии социально-экономического развития, а также для подготовки различных рейтингов, классификаций и группировок регионов и городов, проводимых профильными аналитическими центрами [7; 10; 23].

Особую актуальность данная проблематика приобретает в условиях, когда в отдельных документах Правительства Российской Федерации пространственное развитие отражается как один из факторов социально-экономического развития страны [12].

Цель данной статьи – предложить возможную теоретико-методологическую основу для системного анализа сбалансированности, устойчивости и инклюзивности как свойств региональных и городских систем. Для этого в данном исследовании: уточнены терминологические различия между англоязычными и русскоязычными трактовками рассматриваемых ключевых понятий; обобщен зарубежный и отечественный опыт исследования данных категорий; предложена интегральная методологическая модель и обоснована практическая значимость разработанного подхода.

Терминологическая неопределенность и концептуальные основы

Одной из проблем в российской научной и управленческой практике является терминологическая путаница, связанная с переводом и трактовкой понятий, характеризующих

развитие и базовые свойства территориальных социально-экономических систем. Совокупное рассмотрение сбалансированности, (шоко)устойчивости и инклюзивности позволяет описать ключевые свойства таких систем в трех взаимодополняющих измерениях: структурноресурсном (пропорциональность и согласованность использования природного, человеческого и финансово-экономического потенциала), динамическом (способность поддерживать функционирование и адаптироваться к краткосрочным шокам) и социальноинституциональном (справедливое распределение результатов роста и равный доступ к возможностям развития). Широко используемые в литературе характеристики, как инновационное, интенсивное или «умное» (smart) развитие, в большей степени описывают модели роста и наборы инструментов экономической политики. Они могут рассматриваться как средства достижения указанных базовых свойств, но не заменяют их.

Понятие «сбалансированности» в контексте регионального развития занимает важное место в государственном планировании, поскольку является одним из направлений государственных программ Российской Федерации. Анализ содержания государственных программ позволяет заключить, что сбалансированное развитие трактуется как достижение пропорциональности и рациональных структурных соотношений в экономике, гармоничное развитие отраслей, сфер и территорий. Направление «Сбалансированное региональное развитие» в государственных программах ориентировано на баланс между имеющимися ресурсами и уровнем жизни населения, между ресурсной базой и комплексным экономическим развитием субъектов Российской Федерации, а также на бюджетную сбалансированность, подразумевающую достаточность финансирования для достижения запланированных результатов¹.

Термин «*sustainable development*» в большинстве случаев некорректно трактуется как устойчивое развитие, что вводит в заблуждение. Более точным является перевод «сбалансированное развитие», подчеркивающий равновесие между экономическим ростом, социальным благополучием и экологической

¹ Государственные программы Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://programs.economy.gov.ru/programs> (дата обращения: 10.11.2025).

безопасностью. Концепция сбалансированного развития восходит к работам Х. Боссея [17], Д. Медоуза [21], Д. Форрестера [19], Н.Н. Моисеева [13], В.И. Вернадского [3] и др., которые подчеркивали необходимость гармонизации антропогенной активности с биосферными ограничениями. В контексте региональной экономики сбалансированность означает долгосрочную согласованность целей развития с ресурсными, институциональными и экологическими возможностями территории. Учитывая, что официальным аналогом английского *Sustainable development* в документах ООН на русском языке стало «устойчивое развитие» будем далее использовать именно этот перевод, имея виду, что речь идет о сбалансированности.

В отличие от сбалансированности, ориентированной на долгосрочную перспективу, устойчивость в ее краткосрочном или даже одномоментном состоянии, то есть шокоустойчивость или резилиентность (*resilience*), акцентирует внимание на способности системы реагировать на краткосрочные экономические, природные и геополитические потрясения [6; 15]. Термин «*resilience*», понимаемый как способность системы сохранять свое текущее состояние под воздействием внешних факторов, широко применяется в различных областях знаний. Именно этот термин нередко используется в теории систем для обозначения устойчивости. В переводе с латинского *resilire* означает «отскочить назад», отражая идею способности объекта или системы быстро восстанавливать свое состояние после какого-либо негативного воздействия. Чаще всего, в контексте региональных или городских систем, этот термин трактуется как способность социально-экономической системы восстановиться после шока или нарушения. Таким образом, региональная резилиентность определяется как способность региона предвидеть, готовиться, реагировать и восстанавливаться после кризисных ситуаций, а также успешно восстанавливаться после потрясений, нанесенных его экономике [9].

В российской научной литературе термин *resilience* нередко переводится как «жизнестойкость». Такой подход можно встретить, в частности, в работах, посвящённых оценке адаптационного потенциала локальных

территорий [2; 4; 14], а также в рамках исследовательских проектов, включая грант Российского научного фонда № 22-28-20286 «Феномен жизнестойкости в теории и практике адаптации населения Российской Арктики к изменениям климата»². Однако, несмотря на определённую содержательную близость, понятие «жизнестойкость» в отечественной традиции чаще акцентирует внутреннюю устойчивость и автономность систем, тогда как англоязычный термин *resilience* изначально подчёркивает динамическую способность к восстановлению и трансформации после внешних шоков. В целях точности перевода и во избежание семантической путаницы с понятием «сбалансированности» в данной работе мы будем использовать термины «шокоустойчивость» или «резилиентность» как более адекватные для передачи содержания оригинального концепта *resilience*.

В мировой литературе выделяют два подхода к понятию шокоустойчивости: инженерная устойчивость – способность возвращаться в прежнее состояние после сильного внешнего воздействия, и эволюционная устойчивость (жизнестойкость) – способность к трансформации и переходу на новую траекторию развития [18]. При этом, как мы показали в предыдущих работах [6], жизнестойкость является ключевым свойством регионов в условиях «новой нормальности».

Пока менее распространенная концепция инклюзивного роста появилась на рубеже XX и XXI вв. в результате глобального кризиса и необходимости решения вопроса неравномерности в уровне социально-экономического развития стран и регионов. Понятие «инклюзивность» чаще всего определяют как благополучие всех членов общества, уделяя особое внимание социальному развитию и справедливому распределению экономических благ. Отсутствие единого определения этого понятия затрудняет изучение самого процесса инклюзивного развития, поскольку выбор эмпирических индикаторов в такой ситуации затруднителен [22]. Инклюзивность является фундаментальным принципом организации жизни общества, в частности, в экономической сфере, предоставляя всем людям равный доступ к жизненно важным областям: ресурсам, рабочим местам, образованию, культуре и участию

² URL: <https://rscf.ru/project/22-28-20286/> (дата обращения: 10.12.2025).

в политическом процессе. Она базируется на двух ключевых положениях: во-первых, на создании равных возможностей для всех членов общества, включая экономические, и, во-вторых, на участии в справедливом распределении благ, полученных в результате развития и устойчивого роста³.

В работах лауреатов Нобелевской премии по экономике 2024 г. Д. Аджемоглу и Д. Робинсона подчеркивается, что инклюзивные институты – основа долгосрочного экономического роста, в отличие от экстрактивных, которые концентрируют ресурсы в руках элит [1]. Этот подход можно адаптировать к региональному уровню для оценки качества институциональной среды. Однако подход Д. Аджемоглу и Д. Робинсона подвергается критике за чрезмерную бинарность: деление институтов на «инклюзивные» и «экстрактивные» игнорирует градации, гибридные формы и историко-культурные контексты. Эмпирические данные, в частности из Maddison Project Database (2020)⁴, демонстрируют, что устойчивый экономический рост возможен и при авторитарных или гибридных институциональных режимах, не соответствующих критериям «инклюзивности» в понимании авторов. Так, ВВП на душу населения в Южной Корее вырос в период с 1960 по 1990 г. более чем в 20 раз, несмотря на доминирование авторитарных режимов, которые ограничивали политические права, но активно инвестировали в человеческий капитал, поддерживали экспортноориентированную промышленность и укрепляли правоприменительные институты в экономической сфере. Аналогичный путь прошли Сингапур, Тайвань и Китай, где экономический успех был достигнут в условиях ограниченной политической конкуренции, но при сильной бюрократии и государственной приверженности долгосрочному развитию.

В то же время формальная демократия не гарантирует устойчивого роста, если институты слабы или захвачены элитами. В ряде

стран Латинской Америки (например, в Венесуэле, Аргентине, Боливии) регулярные выборы сочетаются с высокой волатильностью экономической политики, коррупцией, слабостью верховенства закона и глубоким социальным неравенством, что подрывает как экономическую стабильность, так и потенциал для инклюзивного роста. Эти примеры указывают на то, что качество институтов важнее их формального типа, а долгосрочное развитие зависит не от бинарного деления на «инклюзивные/экстрактивные», а от сложного сочетания государственной эффективности, бюрократической автономии, социального доверия и способности к адаптивной трансформации. Поэтому прямолинейное заимствование бинарной модели Аджемоглу-Робинсона на региональный уровень, где институты часто неформальны, гибки и контекстно-зависимы, требует значительной осторожности и дополнительной эмпирической верификации.

Международная институционализация категорий

Анализ международных документов и национальных стратегий показывает, что категории сбалансированности, резилентности и инклюзивности получили устойчивую институциональную проработку в глобальной и региональной повестках, однако их реализация существенно различается по масштабу, глубине и методологической обоснованности.

В ключевом документе ООН – «Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»⁵, термин «sustainable» упоминается 85 раз, в то время как «inclusive» – 41 раз, преимущественно в сочетаниях «inclusive and sustainable development». Это свидетельствует о том, что инклюзивность в глобальной повестке выступает вспомогательной, а не самостоятельной целью развития. При этом сама формулировка «инклюзивный рост» встречается лишь единожды, что подчёркивает недостаточную автономизацию инклюзивности даже на уровне деклараций.

³ Commission on Growth and Development. The Growth Report: Strategies for Sustained Growth and Inclusive Development. Washington, DC: World Bank Publications, 2008. 196 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/512991468177861986/the-growth-report-strategies-for-sustained-growth-and-inclusive-development> (дата обращения: 17.12.2025).

⁴ Maddison Project Database, version 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2020?lang=en> (дата обращения: 17.12.2025).

⁵ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Нью-Йорк: ООН, 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/2030_Agenda_ru.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

На практике наиболее продвинутой институционализация наблюдается в Европейском союзе. Стратегия «Европа 2020»⁶ закрепила триаду «разумный, сбалансированный и инклюзивный рост» в качестве руководящего принципа, а последующие инициативы, например ESG-отчётность и территориальная политика сплочения, обеспечили её операционализацию через индикаторные системы и финансовые механизмы. Во Франции, например, инклюзивность институционализована не только через Хартию разнообразия на рабочем месте, но и через Закон о долге бдительности (2017), обязывающий крупные компании предотвращать нарушения прав человека и экологические ущербы в цепочках поставок [22]. В Германии Национальная стратегия устойчивого развития охватывает более 60 количественных индикаторов и регулярно обновляется с учетом Целей устойчивого развития ООН (далее – ЦУР ООН), включая «международное измерение» – климатическое финансирование, защиту лесов, устойчивые цепочки поставок [24].

В Китае сбалансированность и резилентность выступают ключевыми элементами государственной стратегии «экологической цивилизации». Особое внимание уделяется трансформационной резилентности: стратегии «Возрождение села», «Новая урбанизация» и «Озеленение развития», которые направлены не на восстановление прежнего состояния, а на структурную перестройку социально-экологических систем через децентрализацию, участие местных сообществ и внедрение «зелёных» стандартов. Тем не менее, как указывают эмпирические исследования, несмотря на высокие темпы роста, экологическая и ресурсная подсистемы остаются слабыми звеньями, что указывает на разрыв между декларациями и реальными сдвигами в модели развития [25].

Обобщение международного опыта позволяет сделать три ключевых вывода. Во-первых, успешная реализация указанных категорий требует не только политической декларации, но и институционализации через обязательные нормы, индикаторы и системы мониторинга. Во-вторых, инклюзивность не может быть сведена к социальной

политике в отношении уязвимых групп – она должна пронизывать всю экономическую, экологическую и институциональную повестку. В-третьих, резилентность всё чаще понимается не как возврат к исходному состоянию, а как способность к трансформации, что особенно актуально в условиях «новой нормальности».

Контраст с российской практикой оказывается предельно резким. Если термины «сбалансированность» и «устойчивость» широко представлены в нормативной базе (тысячи упоминаний на федеральном и региональном уровнях), то термин «инклюзивность» фактически отсутствует в официальных документах. Это создаёт серьёзный дисбаланс в системе стратегического планирования и препятствует формированию целостной модели территориального развития, ориентированной одновременно на равновесие, адаптацию и справедливость. Учитывая, что Россия формально привержена ЦУР ООН, институциональное внедрение инклюзивности – логическое следствие принятых обязательств.

Методологический синтез: интегральный подход к анализу

Для анализа рассматриваемых категорий предлагается использовать интегральный подход, сочетающий системный анализ, эволюционную теорию территориального развития и институциональную экономику. Системный подход рассматривает регион или город как подсистему национальной экономики, обладающую внутренней структурой, ресурсами и институтами [5]. Эволюционная теория территориального развития постулирует, что изменения в траектории развития обусловлены взаимодействием внутренних характеристик территории (структура экономики, человеческий капитал, институты) и внешней среды (глобальные вызовы, федеральная политика, рыночная конъюнктура). Институциональный анализ на основе концепции экстрактивных и инклюзивных институтов позволяет оценить, насколько институциональная среда региона способствует долгосрочному росту и справедливому распределению ресурсов [1].

⁶ Europe 2020: A strategy for smart, sustainable and inclusive growth / European Commission. Brussels, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLETE%20EN%20BARROSO%20%20%202007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (дата обращения: 14.11.2025).

В рамках этого подхода сбалансированность регионального развития представляет собой комплексное понятие, включающее, согласно методологии ESG⁷, три взаимосвязанных аспекта. Экономический аспект предполагает устойчивый экономический рост, диверсификацию экономики и высокую инвестиционную привлекательность территории. Социальный аспект охватывает обеспечение доступности базовых общественных благ – образования, здравоохранения и жилья, а также поддержание достойного уровня жизни населения. Экологический аспект связан с рациональным природопользованием, снижением уровня загрязнения окружающей среды и сохранением природного капитала как основы долгосрочного развития. Таким образом, сбалансированное развитие регионов невозможно без обеспечения комплексного развития ключевых сфер: бюджетной (финансовая устойчивость) [9], экономической (диверсификация, инновации), социальной (равный доступ к услугам), экологической (рациональное природопользование) и пространственной (снижение диспропорций). Дисбаланс, при котором одна или несколько составляющих доминируют над остальными, приводит к гиперфункционированию одних элементов системы и дисфункционированию других, что в итоге негативно сказывается на общей эффективности [8].

Инклюзивность, в свою очередь, реализуется по трем направлениям. Территориальный уровень предполагает сокращение диспропорций между центром и периферией, а также комплексное развитие моноцентров и сельских территорий. Социальный уровень направлен на вовлечение в процессы развития уязвимых и маргинализированных групп населения, включая пожилых людей, молодежь, инвалидов и мигрантов. Институциональный уровень обеспечивается за счет повышения прозрачности государственного управления, расширения возможностей гражданского участия в принятии решений и обеспечения равного доступа всех групп населения к государственным услугам.

Для систематизации и сравнительного анализа трех ключевых категорий регионального развития – сбалансированности,

шокоустойчивости и инклюзивности была разработана концептуальная модель, представленная в таблице 1. Модель позволяет выявить их существенные различия, точки пересечения, а также проблемы терминологии и методологии оценки. Она основана на синтезе теоретических подходов, международной практики и нормативной базы Российской Федерации, что обеспечивает комплексный взгляд на эти категории как на взаимодополняющие элементы устойчивого регионального развития.

Анализ представленной модели позволяет сформулировать следующие выводы:

- Необходимы корректировки перевода англоязычных терминов для избежания семантической путаницы. В частности, «*sustainable development*» целесообразно интерпретировать как «сбалансированное развитие», а «*resilience*» – как «шокоустойчивость», что подчеркивает динамику адаптации, а не статическую устойчивость.
- Сбалансированность выступает структурной основой (долгосрочный горизонт, структурно-ресурсное измерение), шокоустойчивость – динамическим механизмом защиты (кратко- и среднесрочный горизонт), а инклюзивность – социальным и институциональным обеспечением равенства. Их взаимосвязи образуют синергетический эффект: сбалансированная структура усиливает резилентность, а инклюзивные институты способствуют долгосрочному балансу.

Разнородные индикаторы и уровни реализации предполагают интеграцию в единую систему мониторинга регионального развития. Для России актуально развитие индикаторов инклюзивности, учитывая отсутствие термина в нормативной базе. Международный опыт (ЕС, Китай, Франция) демонстрирует достаточно успешную институционализацию этих категорий через стратегии и индексы. В России требуется гармонизация нормативных актов с ЦУР ООН и дополнение государственной политики механизмами инклюзивного роста для повышения конкурентоспособности регионов.

⁷ Методология оценки ESG-практик компаний. М.: Национальное рейтинговое агентство «Эксперт РА», 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://ratings.ru/files/methodologies/2023/ESG_methodology_270623.pdf (дата обращения: 14.11.2025).

Таблица 1. Концептуальная модель категорий сбалансированности, шокоустойчивости и инклюзивности регионального развития

Критерий	Сбалансированность <i>Sustainability</i>	Шокоустойчивость <i>Resilience</i>	Инклюзивность <i>Inclusiveness</i>
Англоязычный термин			
Проблемы перевода и рекомендуемый термин	Устоявшийся перевод «устойчивое развитие» неточен, поскольку акцентирует стабильность, а не баланс между экономикой, социальной сферой и экологией. Рекомендуемый термин: <i>сбалансированное развитие</i> .	Часто ошибочно переводится как «устойчивость», что создаёт путаницу с понятием сбалансированности. Рекомендуемый термин: <i>шокоустойчивость</i> или <i>резилентность</i> .	Перевод относительно точен, однако понятие нередко сужается до социальной политики в отношении уязвимых групп. Рекомендуемый термин: <i>инклюзивное развитие</i> .
Сущность понятия	Развитие при равновесии между экономическим ростом, социальным благополучием и экологической безопасностью в долгосрочной перспективе.	Способность региона предвидеть, готовиться, реагировать и восстанавливаться после потрясений, нанесённых его экономике.	Развитие, способствующее созданию равных возможностей для всех членов общества при справедливом распределении благ, полученных в результате экономического роста.
Временной горизонт	Долгосрочный.	Краткосрочный и среднесрочный.	Долгосрочный и среднесрочный.
Измерение анализа	Структурно-ресурсное.	Динамическое.	Социально-институциональное.
Теоретические основы	Системная динамика (Дж. Форрестер [19], Д. Медоуз [21]); концепция ноосферы (В.И. Вернадский [3], Н.Н. Моисеев [13]); теория индикаторов устойчивости (Х. Боссель [17]); методология ESG.	Теория сложных адаптивных систем; концепция инженерной устойчивости (возврат к исходному состоянию); концепция эволюционной устойчивости (адаптивная трансформация) [6; 9].	Институциональная экономика (Д. Аджемоглу, Д. Робинсон [1]); теория инклюзивных и экстрактивных институтов; концепция человеческого развития ПРООН ⁸ [15].
Международные документы	Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» от 25 сентября 2015 г. (термин « <i>sustainable</i> » – 85 упоминаний); Стратегия «Европа 2020» (<i>Europe 2020: A strategy for smart, sustainable and inclusive growth</i>), утверждённая Европейским советом 17 июня 2010 г. ¹⁰ .	Сендэйская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг. (<i>Sendai Framework for Disaster Risk Reduction</i>), принята 18 марта 2015 г.; программы территориальной адаптации ОЭСР.	Резолюция ООН A/RES/70/1 (термин « <i>inclusive</i> » – 41 упоминание, « <i>inclusive and sustainable development</i> » – 6 упоминаний); Индекс инклюзивного развития (<i>Inclusive Development Index, IDI</i>), представленный Всемирным экономическим форумом в 2017 г. ⁹
Примеры зарубежной практики	Франция: Закон о новых экономических правилах (<i>Loi relative aux nouvelles réglementations économiques, NRE</i>) от 15 мая 2001 г. – обязательная ESG-отчетность публичных компаний; методология оценки устойчивости 96 департаментов по 6 составным индексам [22]. Германия: Национальная стратегия сбалансированного развития Германии (<i>Deutsche Nachhaltigkeitsstrategie</i>), принятая в 2002 г., стратегия регулярно пересматривалась	Программы повышения резилентности городов (100 Resilient Cities, Фонд Рокфеллера, 2013–2019); Европейская политика территориального сплочения (<i>Cohesion Policy</i>) после кризиса 2008–2009 гг. В Китае концепция шокоустойчивости интегрирована в ключевые государственные стратегии – «Возрождение села» и «Новая урбанизация», направленные на трансформацию социальные-экологических систем и преодоление	Франция: Закон о долге бдительности материнских компаний (<i>Loi relative au devoir de vigilance</i>) от 27 марта 2017 г.; Хартия разнообразия на рабочем месте (<i>Charte de la diversité</i>), 2004 г., более 1500 подписантов с 2007 г. ОЭСР рассматривает устойчивость как неотъемлемую часть инклюзивного роста, в подходе подчёркивается необходимость инвестировать в человеческий капитал, обеспечивать открытость рынков труда и укреплять доверие к государственным институтам ¹¹ .

Таблица 1. Окончание.

Критерий	Сбалансированность	Шокоустойчивость	Инклюзивность
Англоязычный термин	<i>Sustainability</i>	<i>Resilience</i>	<i>Inclusiveness</i>
Примеры зарубежной практики	в 2004–2016 гг. и охватывает четыре ключевые области: межпоколенческую справедливость, качество жизни, социальную сплочённость и международную ответственность, и подкрепляется системой из более чем 60 количественных индикаторов [24]. В Китае сбалансированное развитие реализуется через активное международное сотрудничество в рамках ЦУР ООН, включая поддержку сбалансированного сельского хозяйства, защиту океанов, климатическое финансирование и продвижение экологических стандартов в глобальных цепочках поставок [25].	городско-сельского дисбаланса [25].	ЮНКТАД в своём Индексе инклюзивного роста (IGI) выделяет отдельную категорию «Окружающая среда», включающую показатели углеродной интенсивности, энергоэффективности, рационального водопользования и сохранения биоразнообразия ¹² .
Упоминание в нормативных актах Российской Федерации	Более 2 тыс. федеральных и 48 тыс. региональных актов.	Более 15 тыс. федеральных и 38 тыс. региональных актов.	Термин практически не упоминается.
Ключевые индикаторы	Индекс диверсификации экономики; бюджетная обеспеченность; экологический след; индекс человеческого развития; доля возобновляемых источников энергии.	Скорость восстановления ВРП после шока; динамика уровня безработицы в кризисный период; индекс адаптивности институтов; доля инновационной продукции.	Коэффициент Джини; уровень бедности; индекс доступности социальных услуг; уровень занятости уязвимых групп; гендерный разрыв в оплате труда.
Уровни реализации	Экономический (диверсификация, инвестиции); социальный (доступность благ, уровень жизни); экологический (рациональное природопользование).	Инженерный (возврат системы к исходному состоянию); эволюционный (трансформация структуры и переход на новую траекторию).	Территориальный (центр – периферия); социальный (уязвимые группы); институциональный (прозрачность управления, гражданское участие).
Взаимосвязь с другими категориями	Инклюзивность обеспечивает социальную составляющую баланса; шокоустойчивость является условием сохранения баланса при внешних возмущениях.	Сбалансированная структура экономики повышает адаптивность к шокам; инклюзивные институты усиливают способность системы к трансформации.	Устойчивая экономика создаёт ресурсы для инклюзивной политики; шокоустойчивость защищает уязвимые группы от последствий кризисов.

Источник: составлено автором на основе анализа нормативных документов базы правовой информации «КонсультантПлюс» и научной литературы.

⁸ Commission on Growth and Development. The Growth Report: Strategies for Sustained Growth and Inclusive Development. Washington, DC: World Bank Publications, 2008. 196 p.
⁹ Всемирный банк. Инклюзивный экологичный рост: путь к устойчивому развитию. Вашингтон, 2013. 38 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/6752146832782377/pdf/449860PUB0REFL000Official0UseOnly0.pdf> (дата обращения: 17.12.2025).

ОЭСР. Инклюзивный рост. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/en/publications/inclusive-growth_5f4rpxr4hg4-en.html (дата обращения: 17.12.2025).

¹⁰ Europe 2020: A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. / European Commission. Brussels, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLETE%20EN%20BARROSO%20%2007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (дата обращения: 14.11.2025).

¹¹ Indicators and a Monitoring Framework for the Sustainable Development Goals: Launching a data revolution for the SDGs. Нью-Йорк: United Nations, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/739indicators.pdf> (дата обращения: 14.11.2025).

¹² Inclusive Growth Index (IGI) Methodology / Kunclova P. 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://bookdown.org/kunclova_petra/IGI_methodology/_main.pdf (дата обращения: 14.11.2025).

Практическая реализация и перспективы применения

Представленный анализ демонстрирует отсутствие общепринятых и четко определенных критериев для понятий сбалансированности, устойчивости и инклюзивности, несмотря на широкое использование термина «сбалансированность» в документах стратегического планирования Российской Федерации, а также активные исследования зарубежных и отечественных исследователей, вопрос о единообразном и объективном измерении этих характеристик остается открытым.

Принципиальные различия между регионами, городскими агломерациями и муниципальными образованиями обуславливают невозможность применения универсальных измерителей и требуют разработки специфических индикаторных систем.

На региональном уровне сбалансированность преимущественно характеризует соотношение отраслей экономики, бюджетную обеспеченность и межрегиональные экономические связи. На уровне городов и агломераций на первый план выходят пропорции между жилой, производственной и рекреационной зонами, сбалансированность рынка труда и жилья, а также соотношение центра и периферии внутри городского пространства. Аналогично инклюзивность на уровне региона измеряется через доступность социальных услуг для населения отдаленных территорий и малых населенных пунктов, тогда как на городском уровне акцент смещается на интеграцию мигрантов, доступность городской среды для маломобильных групп и преодоление социально-пространственной сегрегации.

Кроме того, масштаб и характер проблем существенно варьируются в зависимости от уровня территориальной системы. Регионы сталкиваются с вызовами макроэкономического характера: зависимостью от моноотраслевой специализации, оттоком человеческого капитала, диспропорциями в развитии центра и периферии. Для городов более актуальны проблемы транспортной доступности, экологической нагрузки, обеспеченности социальной инфраструктурой и качества городской среды. Соответственно, шокоустойчивость региона определяется его способностью диверсифицировать экономику и привлекать инвестиции в условиях внешних ограничений, тогда как

устойчивость города связана с гибкостью городских систем жизнеобеспечения и способностью оперативно перераспределять ресурсы между районами.

Наконец, доступность и качество статистических данных принципиально различаются для разных типов территорий. Региональная статистика в России позволяет проводить межрегиональные сопоставления по широкому кругу показателей. Многие же показатели муниципальной статистики отсутствуют, либо собираются с иной периодичностью и по иной методологии. Это создаёт объективные ограничения для построения сопоставимых индексов и требует разработки альтернативных подходов к оценке, включая использование данных дистанционного зондирования, больших данных и результатов социологических обследований.

Поэтому формирование единой методологии и методики оценки сбалансированности, шокоустойчивости и инклюзивности должно предусматривать многоуровневую архитектуру индикаторов, где для каждого типа территориального образования определяются специфические показатели, отражающие содержательные особенности соответствующих категорий, при сохранении концептуального единства и возможности агрегирования результатов на более высоких уровнях пространственной иерархии.

Представляется целесообразной разработка комплексной методологии оценки сбалансированности, устойчивости и инклюзивности регионов России, основанной на четком разграничении соответствующих показателей и учитывающей специфику каждого субъекта Федерации. Данная методология должна включать в себя разработку системы индикаторов, характеризующих различные аспекты сбалансированности, устойчивости, инклюзивности, а также методы их агрегирования. Результатом применения такой методологии может стать рейтинг регионов России по уровню долго- и краткосрочной устойчивости. Этот рейтинг, обладая значительной практической ценностью, может быть использован при разработке документов стратегического планирования на федеральном и региональном уровнях. Он позволит выявить проблемные зоны и определить приоритетные направления для дальнейшего развития, а также может служить ориентиром для инвесторов, позволяя

им принимать обоснованные решения на основе объективной информации о социально-экономическом состоянии регионов.

Результаты исследования позволяют сформировать единый понятийный аппарат для описания сбалансированности, устойчивости и инклюзивности на уровне регионов и городов, что особенно важно в условиях отсутствия общепринятой терминологической базы и методологической согласованности в российской научной и управленческой практике. На основе предложенной концептуальной схемы можно будет разработать систему показателей, адаптированную к специфике субъектов Российской Федерации и крупнейших городов, которая позволит количественно и качественно оценивать степень выраженности указанных свойств территориального развития. Особую ценность представляет возможность выявления критических пороговых значений ключевых показателей, превышение или снижение которых сигнализирует о рисках нарушения устойчивости или сбалансированности социально-экономических процессов. Такие пороговые значения могут служить основой для формирования механизмов раннего предупреждения и своевременного реагирования со стороны органов власти.

Заключение. Предложенный в работе подход к разграничению понятий сбалансированности, шокоустойчивости и инклюзивности не претендует на решение проблемы терминологической неопределенности в области регионального развития, однако открывает путь к более строгому и содержательному дифференцированному анализу территориальных систем. В отличие от устоявшейся практики, где эти категории сводятся к декларативным положениям или подменяются операционными показателями, авторская модель позволяет рассматривать их как взаимосвязанные, но автономные измерения: структурно-ресурсное, динамическое и социально-институциональное.

Такой подход имеет важное значение для российской повестки. Несмотря на формальную приверженность ЦУР ООН, Россия до сих пор не институционализировала инклюзивность как самостоятельную цель государственной политики. Между тем, международный опыт демонстрирует, что именно инклюзивность выступает связующим

звеном между долгосрочным равновесием и способностью к адаптации. Без нее устойчивость рискует превратиться в консервацию неравенства, а сбалансированность – в технократическую оптимизацию в ущерб социальной справедливости.

Практическая ценность предложенной концептуализации заключается в возможности ее трансляции в инструменты управления.

Во-первых, она позволяет переосмыслить систему стратегического планирования: вместо универсальных ориентиров разрабатывать многоуровневые индикаторные системы, учитывающие специфику регионов, городов и муниципалитетов.

Во-вторых, такой подход создает основу для формирования механизмов раннего предупреждения кризисов, в том числе и социальных, когда рост неравенства или исключение отдельных групп из процессов развития становится предвестником системной дестабилизации.

В-третьих, он открывает пространство для экспериментов с новыми формами участия, в том числе в пространственном аспекте.

Перспективы дальнейшего исследования лежат в трех направлениях:

- Первое – методологическое: требуется разработка гибкой, но стандартизированной системы показателей, допускающей как сравнительный анализ, так и учет контекстной специфики.
- Второе – эмпирическое: необходимо верифицировать гипотезу о синергии трех измерений на российских данных, особенно в условиях высокой пространственной неоднородности и институциональной фрагментации.
- Третье – прикладное: важно апробировать предложенную модель в рамках пилотных проектов по корректировке стратегий социально-экономического развития регионов России и крупнейших городов.

Таким образом, переход от смешения понятий к четкому разграничению – необходимое условие для выработки эффективной и адаптивной региональной политики в условиях Новой реальности.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 25-18-00709, <https://rscf.ru/project/25-18-00709/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные: Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: Crown Business, 2012. 688 с.
2. *Важенина И.С., Важенин С.Г.* Жизнестойкость как конкурентное преимущество территории // Современная конкуренция. 2024. Т. 18. № 1. С. 110–122. DOI: 10.37791/2687-0657-2024-18-1-110-122.
3. *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 258 с.
4. *Гатауллин Р.Ф., Каримов А.Г., Чувашаева Э.Р.* Методологические основы оценки и обеспечения экономической жизнестойкости локальных территориальных образований // Вестн. евразийской науки. 2019. Т. 11. № 3. С. 1–9.
5. *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики. 3-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 495 с.
6. *Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г.* Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. № 3. С. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1.
7. *Землянский Д.Ю., Чуженькова В.А., Абдуллаев А.М. и др.* Особенности и проблемы реализации индивидуальных программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Вопросы гос. и муницип. управления. 2024. № 4. С. 44–78.
8. *Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А.* Системная сбалансированность экономики России: региональный разрез // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 2. С. 309–323. DOI: 10.17059/2019-2-1.
9. *Климанов В.В., Михайлова А.А., Казакова С.М.* Региональная резилентность: теоретические основы постановки вопроса // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 164–187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187.
10. *Климанов В.В., Будаева К.А., Чернышова Н.В.* Промежуточные итоги стратегического планирования в регионах России // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 5. С. 104–127. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-5-06.
11. *Кузнецова О.В.* Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 107–125. DOI: 10.14530/se.2019.4.107–25.
12. *Кузнецова О.В.* Стратегия пространственного развития России – 2030: новации и перспективные направления исследований // Вестн. РАН. 2025. № 2. С. 12–21. DOI: 10.31857/S0869587325020023.
13. *Моисеев Н.Н.* Избранные труды: в 2 т. Т. 2: Междисциплинарные исследования глобальных проблем. Публицистика и общественные проблемы. М.: Тайдекс Ко, 2003. 264 с.
14. *Ускова Т.В.* Устойчивость развития территорий и современные методы управления // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). С. 7–18. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.1.
15. *Шелудков А.В., Зотова М.В., Виноградова В.В. и др.* Резилентность территориальных социально-экологических систем: методология анализа и оценки // Региональные исследования. 2025. № 2. С. 4–23. DOI: 10.5922/1994-5280-2025-2-1.
16. *Bonnet J., Coll-Martínez E., Renou-Maissant P.* Evaluating sustainable development by composite index: Evidence from French departments // Sustainability. 2021. Vol. 13. № 2. P. 761. DOI: 10.3390/su13020761.
17. *Bossel H.* Indicators for Sustainable Development: Theory, Method, Applications. Winnipeg: IISD, 1999. 124 p.
18. *Foster K.A.* Snapping back: What makes regions resilient? // National Civic Review. 2007. Vol. 96. № 3. P. 27–29. DOI:10.1002/ncr.184.
19. *Forrester J.W.* World Dynamics. Cambridge: Wright-Allen Press, 1971. 144 p.
20. *Li Q.* Resilience thinking as a system approach to promote China's sustainability transitions // Sustainability. 2020. Vol. 12, № 12. P. 5008. DOI: 10.3390/su12125008.
21. *Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L.* Limits to Growth: The 30-Year Update. White River Junction: Chelsea Green Publishing, 2004. 368 p.
22. *Pike A., Dawley S., Tomaney J.* Resilience, adaptation and adaptability // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2010. Vol. 3. № 1. С. 59–71.
23. *Rytova E., Gutman S., Sousa C.* Regional inclusive development: An assessment of Russian regions // Sustainability. 2021. Vol. 13, № 11. P. 5773. DOI: 10.3390/su13115773.
24. *Scholz I., Keijzer N., Richerzhagen C.* Promoting the Sustainable Development Goals in Germany. Bonn: IDOS, 2016. 37 p.
25. *Wu M.* An evaluation and spatial statistical analysis of China's regional sustainable development level // Resources and Environmental Economics. 2020. Vol. 2. № 1. P. 112–125. DOI: 10.25082/REE.2020.01.003.

Статья поступила в редакцию журнала 15 ноября 2025 г.

Сведения об авторе:

Климанов Владимир Викторович – доктор экономических наук, директор Центра региональной политики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва.

Для цитирования:

Климанов В.В. Сбалансированность, устойчивость и инклюзивность в региональном развитии // Региональные исследования. 2025. № 3. С. 40–51.

DOI: 10.5922/1994-5280-2025-3-3

**Sustainability, resilience, and inclusivity
in regional development**

V.V. Klimanov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Institute of Applied Economic Research, Moscow, Russia

e-mail: klimanov@ranepa.ru

The article presents a comprehensive conceptual analysis of the key categories of the modern regional economy – balance, sustainability and inclusivity. The purpose of the study is to develop an integrative approach to their study in relation to regions and cities as complex socio-economic systems. Based on the analysis of Russian and foreign literature, the substantive differences between English and Russian interpretations of the concepts «sustainable development», «resilience» and «inclusive development», which are often incorrectly translated and mixed in domestic scientific and managerial practice, are clarified. The author suggests an approach, allowing to distinguish between balance (long-term equilibrium), sustainability (short-term adaptability and resilience) and inclusivity (equitable involvement) as complementary properties of territorial development. Special attention is paid to the practical applicability of the developed concept. The results of the study can be used to improve strategic planning, monitor the effectiveness of regional policy and form management mechanisms based on system monitoring at the federal, regional and municipal levels.

Keywords: regional and urban development, balance, sustainability, inclusivity, resilience, strategic planning, regional economy.

Funding: The research was carried out within the framework of the scientific project of the Russian Science Foundation No. 25-18-00709.

Received 15.11.2025